

Свобода, равная для всех

Бенджамин Таккер

Оглавление

Предисловие	3
Государственный социализм и анархизм. (В чем их сходство и в чем различие) . . .	4
Отношение государства к личности	13
Наши цели	17
Свобода и собственность	18
Сила пассивного сопротивления	20
Свобода и насилие. (Мораль террора)	21

Предисловие

Американский публицист и общественный деятель Бенджамин Таккер, активный популяризатор идей индивидуалистического анархизма и непримиримый противник государственного устройства общества, к сожалению, мало известен в современной России. Единственный концептуальный труд Таккера, вышедший в 1881 году в Нью-Йорке и названный «Вместо книги (написано человеком, слишком занятым, чтобы писать таковую). Отрывочное изложение философского анархизма», был опубликован в России в 1907 году в самый разгар столыпинской реакции и с тех пор не переиздавался по идеологическим соображениям. А между тем, Бенджамин Таккер жил и писал в период (конец XIX — начало XX века), когда происходило становление тех общественно-политических идей, теорий и движений, которые вскоре радикально изменили сам ход земной истории.

Таккер активно участвовал в бурной политической жизни Америки, редактируя радикальную анархическую газету «Liberty» и выступая с частыми лекциями о безгосударственном устройстве общества и методах его достижения перед самой различной аудиторией. Являясь приверженцем индивидуалистического направления в анархизме, Бенджамин Таккер в вопросе стратегии пошел иным, более конструктивным, чем основоположник индивидуализма Макс Штирнер, путем, соединив в своей концепции абсолютную, но «равную для всех» личную свободу с ясной социальной направленностью и мотивацией, в первую очередь ставя по разные стороны баррикад не столько личность и общество, сколько общество и государство. Таким образом, анархизм Таккера явился по своей сути социал-индивидуалистическим, одинаково отвергающим показной либерализм буржуазной демократии и жестокую псевдо-свободу коммунистического «рая». Поэтому естественно и то, что Таккер был принципиальным оппонентом своего великого современника — Петра Алексеевича Кропоткина, чьи идеи он неоднократно подвергал резкой, но аргументированной критике. По отношению к собственности Бенджамин Таккер не был ни правым, ни левым в привычном нам понимании этих терминов. Будучи искренним почитателем идей французского экономиста и анархиста Пьера-Жозефа Прудона, он отрицал эксплуатацию, крупный капитал (особенно монополистический или пользующийся государственной поддержкой), отстаивал право трудящегося на полный продукт своего труда, но при этом считал частную собственность на средства производства основой экономической независимости индивидуума и важной составляющей принципа «свободы, равной для всех», и абсолютизировал значение конкуренции как важнейшего фактора поступательного развития человеческого общества.

Во время чикагских событий 1886 года и последующего судебного процесса над рабочими-анархистами Бенджамин Таккер на страницах «Liberty» развернул активную кампанию агитации в поддержку несправедливо обвиненных активистов рабочего движения. Резкие редакционные статьи Таккера, его активная социальная позиция и публичный отказ от уплаты налогов неоднократно приводили к открытой конфронтации с властями и преследованию со стороны полиции. Его деятельность по распространению анархических идей имела также важное значение как противовес пропаганде последователей марксистской теории государственного, диктаторского социализма. Таккер отчетливо понимал губительность подобных идей для набирающего силу мирового рабочего движения и в своих многочисленных статьях показывал другой, истинно свободный путь развития общества.

Конечно, сейчас на фоне неизмеримо усложнившихся политико-экономических отношений в современном мире многое из того, о чем писал Бенджамин Таккер в конце XIX века покажется наивным и устаревшим. Но несомненным достоинством его единственной кни-

ги (из фрагментов которой и составлена данная публикация) являются многочисленные моменты удивительного исторического предвидения, а также ясное и талантливое изложение ключевых принципов безгосударственного сосуществования в человеческом обществе, остающихся неизменными и по сей день.

Александр Майшев

Государственный социализм и анархизм. (В чем их сходство и в чем различие)

По всей вероятности, никакая агитация ни по числу своих сторонников, ни по степени своего влияния никогда не достигала такой силы, как современный социализм; в то же время ни одно учение не было так ложно истолковываемо, как социализм; и не только своими противниками и индифферентной массой, но и дружелюбно настроенными людьми и даже огромным большинством сторонников. Это неприятное и крайне опасное положение вещей обуславливается отчасти тем, что человеческие отношения, которые это движение (если столь хаотическое явление можно назвать движением) стремится преобразовать, присущи не какому-либо отдельному классу или нескольким классам, но буквально всему человечеству; отчасти же тем, что по своей природе эти отношения бесконечно сложнее и разнообразнее тех, с которыми приходилось иметь дело социальным реформаторам; и, наконец, тем, что великие созидательные силы общества, средства просвещения и сообщения, находятся почти в исключительном распоряжении тех, чьи непосредственные денежные интересы противостоят основному требованию социализма — а именно, чтобы труд владел тем, что ему принадлежит.

Пожалуй, единственными людьми, хотя бы приблизительно понимающими смысл, основные положения и цели социализма, являются главные вожди крайних флангов социалистических сил, и, может быть, даже кое-кто из денежных королей. Поистине замечательно, что оба крыла огромной армии, интересующей нас в данное время, объединенные общим требованием, чтобы труд получил то, что ему причитается, в основных началах социальной тактики и приемах достижения желаемой цели более диаметрально расходятся друг с другом, чем с общим врагом своим, — господствующим общественным строем. Они исходят из двух начал, проследить историю которых равносильно тому, чтобы проследить историю мира с момента появления в нем человека; все же промежуточные партии, в том числе и защищающие существующий строй, основаны на компромиссе этих двух начал. Значит ясно, что всякая разумная и глубокая оппозиция существующему порядку должна исходить из того или иного крайнего лагеря; всякое другое движение, далекое от революционного протеста, может стремиться лишь к поверхностным изменениям, и поэтому неспособно сосредоточить на себе столько внимания и интереса, сколько его уделяется современному социализму.

Эти два начала — суть Власть и Свобода, а школы социалистической мысли, вполне и безусловно представляющие то и другое направление, носят название государственного социализма и анархизма. Кто знает, чего эти школы хотят, и как они предполагают добиться своей цели, тот и понимает, что такое социалистическое движение. Как нет дома, по пословице, на полдороге между Римом и Разумом, так нет его и на полпути между государственным социализмом и анархизмом. Из центра социалистических сил постоянно исходят два течения, концентрирующие их на левом и правом фланге; и если бы социализм победил, то весьма возможно, что после разделения флангов, после того, как существующий

порядок будет раздавлен, между двумя лагерями возникла бы последняя и еще более ожесточенная борьба.

Экономические основы современного социализма представляют собой логический вывод из принципа, изложенного Адамом Смитом в первых главах «Богатства народов» — а именно, что труд есть истинное мерило ценности. Но Адам Смит, сформулировав этот принцип в отчетливой и сжатой форме, тотчас же забросил дальнейшее исследование его, вознамерившись показать, чем измеряется ценность в действительности и как в настоящее время распределяется богатство. С этого времени почти все политико-экономы по его примеру ограничивали свою задачу описанием общества в его нынешнем состоянии, его современных промышленных и торговых стадий. Социализм же, напротив, ставит своей задачей описание общества таким, каким оно должно быть, а также изыскание средств, при помощи которых его можно сделать таким, каким ему следует быть. Через пятьдесят с лишним лет после обнародования Смитом своего положения, социализм подхватил его в том месте, где Смит его оставил и, проследив его до конечных логических выводов, сделал фундаментом новой экономической философии.

Повидимому, это было сделано независимо друг от друга тремя различными людьми, трех различных национальностей, на трех различных языках: американцем Джошуа Уорреном; французом Пьером Прудоном; немецким евреем Карлом Марксом. Что Уоррен и Прудон пришли к своим выводам самостоятельно и независимо друг от друга, не представляет сомнения; но возможно, что Маркс своими экономическими идеями в значительной мере был обязан Прудону. Как бы то ни было, Марксово изложение этих идей в такой степени проникнуто его личным творчеством, что он с полным правом может претендовать на оригинальность в этой области. То обстоятельство, что этот интересный триумvirат творил почти одновременно, повидимому, указывает, что социализм уже носился в воздухе, и что время и условия благоприятные появлению этой новой школы философской мысли, уже назрели.

Из Смитова положения, что труд является истинной мерой ценности — или, как выразился Уоррен, что стоимость есть истинное мерило цены — эти три господина сделали следующие выводы: что естественной платой труда является его продукт; что эта заработная плата или продукт, является единственным справедливым источником дохода (не считая, конечно, дарения, наследования и т.п.); что все, получающие доход из другого источника, прямо или косвенно вычитают его из естественной и справедливой оплаты труда; что этот процесс вычитания обыкновенно принимает одну из трех форм — процента, ренты и прибыли; что эти три вещи составляют троицу ростовщичества и попросту являются тремя различными способами взимания дани в пользу капитала; что так как капитал является просто накопленным трудом, уже получившим сполна свою плату, то он должен быть даровым, по принципу, что труд есть единственная основа ценности; что человек, ссужающий капитал, имеет право лишь на без ущербное получение его обратно, и только; что единственная причина того, что банкир, биржевик, землевладелец, фабрикант и торговец имеют возможность вымогать у труда лихву, заключается в том, что за их спиной стоит юридическая привилегия или монополия; и что единственный способ обеспечить труду пользование полным продуктом, или естественной заработной платой, это — уничтожить монополию.

Не следует думать, будто Уоррен, Прудон или Маркс выражались буквально такими словами, или думали сказать буквально то, что изложено выше; но я довольно точно изложил главную сущность их идей в тех пределах, до которых они шли вместе.

Именно в этом пункте — по вопросу о необходимости уничтожить монополию — пути их разошлись. Дорога разветвилась. Они увидели, что должны свернуть или направо, или

налево — пойти или стезею власти, или стезею свободы. Маркс пошел одной дорогой; Уоррен и Прудон — другой. Так родились государственный социализм и анархизм.

Займемся сперва государственным социализмом, который можно назвать учением, что все человеческие дела должны вестись правительством, независимо от личного желания человека.

Основатель его, Маркс, пришел к выводу, что уничтожить классовые монополии можно только путем сосредоточения и закрепления всех промышленных и торговых интересов, всех производственных и распределительных сил в руках государства, как одной огромной монополии. Правительство должно стать банкиром, фабрикантом, землевладельцем, транспортером и купцом, и во всех этих областях не должно терпеть конкуренции. Земля, инструменты, все орудия производства, должны быть изъяты из владения частных лиц и сделаться собственностью коллективного целого. Индивиду или частному лицу должны принадлежать продукты, подлежащие потреблению, а не средства производства их. Человек может быть собственником своей одежды и пищи, но не швейной машины, которая шьет ему рубаху, и не лопаты, которой он копает свой картофель. Продукт и капитал суть две вещи, существенно различные между собой; первый принадлежит индивидам, второй — обществу. Общество должно захватить принадлежащий им капитал, если можно, силой голосования, а если нельзя, то революционным путем. Однажды завладевши им, оно должно управлять им по принципу большинства, через посредство своего органа, государства; утилизировать его для целей производства и распределения, устанавливать все цены сообразно количеству потраченного труда и давать всему народу работу в своих мастерских, фермах, лавках и т. д. Нация должна превратиться в исполинский бюрократический механизм, а каждый индивид в государственного чиновника. Все должно делаться по принципу стоимости, так как у людей не будет побуждений стремиться к прибыли. Так как индивидам не дозволяется иметь капитал, то никто не может нанимать другого, или даже сам наниматься. Каждый будет рабочим, и только государство работодателем. Кто не пожелает работать на государство, должен умереть с голоду, или, что вероятнее, сесть в тюрьму. Всякая свобода торговли должна будет исчезнуть. Конкуренция исчезнет бесследно. Вся промышленная и торговая деятельность должна будет сосредоточиться в одной широкой, огромной, всеобъемлющей монополии. Средством от монополии будет монополия.

Такова экономическая программа государственного социализма по Карлу Марксу.

К чему приведет дальнейшее развитие этого начала власти, если его приложить к экономической сфере, нетрудно угадать. Оно приведет к абсолютному надзору большинства за поведением индивида. Право такого надзора уже признается государственными социалистами, хотя они утверждают, что в действительности индивиду будет предоставлено гораздо больше свободы, чем та, которой он пользуется в настоящее время. Но она ему будет лишь предоставляться, он не сможет претендовать на нее, как на нечто неотъемлемое. Общество не будет построено на гарантии равного пользования самой широкой свободой, какая только возможна.

Свобода будет лишь терпима и в любую минуту может быть отнята. Конституционные гарантии будут бессильны. В стране государственного социализма будет лишь один конституционный параграф: «Право большинства непререкаемо».

Утверждение государственных социалистов, что это право не будет осуществляться в случаях, касающихся самых интимных и частных сторон индивидуальной жизни, отнюдь не подтверждается историей правительств. Власть всегда стремилась усугубиться, расширить свою сферу, перешагнуть границы, отведенные ей; и там, где привычка сопротивляться такому искушению не встречает поощрения, а индивид не приучен ревниво охранять свои права,

индивидуальность мало-по-малу исчезает, и правительство или государство становится всемогущим фактором жизни. Контроль, конечно, сопутствует ответственности. Поэтому, при системе государственного социализма, считающей общество ответственным за здоровье, материальную обеспеченность и здравомыслие индивида, общество в лице своего большинства, конечно, все больше будет стремиться регламентировать гигиенические и другие условия жизни, будет разрушать, а в конце-концов и совсем уберет личную независимость, а вместе с нею и всякое чувство индивидуальной ответственности.

Что бы государственные социалисты ни утверждали и ни опровергали, их система должна будет в конце-концов выродиться в государственную религию, которую все обязаны поддерживать своими средствами и у алтаря которой все должны будут преклонить колени; в государственную школу медицины, у представителей которой все больные обязаны будут лечиться; в государственную систему гигиены предписывающую, что каждый должен есть, пить, носить и делать, а чего не должен; государственный кодекс нравственности, который не будет довольствоваться наказанием преступлений, но будет запрещать все, что большинство признает пороком; государственную систему народного просвещения, которая упразднит все частные школы, академии и гимназии; государственную детскую, в которой все дети должны будут воспитываться сообща, за счет государства; и наконец, государственную семью, в которой мужчине и женщине нельзя будет иметь детей, если государство запретит им это, и никто не сможет отказаться иметь детей, если государство потребует этого. Так власть дойдет до кульминационной своей точки, и Монополия достигнет наивысшего могущества.

Таков идеал последовательных социалистов-государственников, и цель, лежащая в конце пути, начертанного Карлом Марксом. Теперь последуем за Уорреном и Прудоном, пошедшими по иному пути — пути Свободы.

Он ведет нас к анархизму, который можно охарактеризовать, как учение о том, что все дела людей должны вестись отдельными личностями или добровольными союзами, и что государство должно быть упразднено.

Когда Уоррен и Прудон в поисках справедливости для труда натолкнулись на препятствие в лице классовых монополий, они увидели, что эти монополии опираются на власть; из этого они сделали вывод, что необходимо отнюдь не усилить эту власть и этим придать монополии универсальный характер, а наоборот, совершенно искоренить власть и дать полное развитие противоположному началу, свободе, сделав универсальной конкуренцию, прямую противоположность монополии. В конкуренции они видели могучее средство низвести цены до трудовой стоимости производства. Естественно, явился вопрос, почему все цены не падают до трудовой стоимости; куда отнести доходы, получаемые из иного источника, чем труд; словом, почему существует ростовщик, получатель процентов, ренты и прибыли. Объяснение было найдено в нынешней односторонности конкуренции. Оказалось, что капитал так обставил законодательство, что неограниченная конкуренция предоставлена человеку в сфере предложения производительного труда, вследствие чего заработная плата держится на уровне недоедания, близкого к голодной смерти; что большая свобода конкуренции предоставлена ему в сфере распределения, или торгового, посреднического труда, благодаря чему не цены товаров, а коммерческая прибыль с них держится на уровне, приблизительно соответствующем справедливому вознаграждению за торговый труд; но почти никакой конкуренции не дается ходу в сфере предложения капитала, от которого находятся в зависимости как производительный, так и распределительный труд, благодаря чему размер денежного процента, квартирной платы и земельной ренты держится на невыносимой для народа высоте.

Маркс, как мы видели, решил это тем, что объявил капитал вещью, отличной от продукта; он утверждал, что капитал принадлежит обществу, должен быть захвачен обществом и употреблен на цели общего блага. Прудон же смеялся над этим различием между капиталом и продуктом. Он утверждал, что капитал и продукт отнюдь не представляют собой двух различных видов богатства, но просто являются переменными условиями или функциями того же богатства; что всякое богатство испытывает беспрестанное превращение из капитала в продукт и из продукта снова в капитал, и этот процесс тянется бесконечно; что капитал и продукт — чисто социальные термины; что то, что есть продукт для одного человека, то для другого сейчас же становится капиталом, и наоборот; что если бы в мире существовала только одна личность, то все богатство было бы для нее одновременно капиталом и продуктом; что плод труда одного человека есть его продукт, который, будучи продан другому человеку, становится капиталом этого другого человека; что паровая машина в такой же мере является продуктом, как и пальто, а пальто такой же капитал, как и паровая машина, и что одним и тем же законам справедливости подчинено владение как первым, так и вторым.

По этим и другим соображениям Прудон и Уоррен не сочли возможным одобрить такую меру, как захват капитала обществом. Однако, противясь социализации права собственности на капитал, они стремились социализировать его последствия, сделав пользование капиталом благотворительным для всех, между тем как обыкновенно он служит средством обогащения немногих за счет разорения большинства. Они увидели, что этого можно достигнуть подчинением капитала естественному закону конкуренции, что понизить цену пользования им до уровня стоимости — то есть расходов, необходимых для распоряжения капиталом и перемещения его. Тогда они развернули знамя Абсолютной Свободы Торговли, свободы как внутренней торговли, так и внешней. Под этим знаменем они начали борьбу с монополиями, будь то всеобъемлющая монополия государственных социалистов или различные классовые монополии, господствующие ныне.

Из этих последних они выделили четыре монополии, представляющие первостепенную важность: монетную монополию, земельную монополию, тарифную монополию и патентную монополию.

Первой по своей зловредности является монетная монополия, заключающаяся в привилегии, даруемой правительством некоторым лицам, или лицам, владеющим некоторыми видами имущества, на право выпуска обменных знаков. Утверждают, что обладатели этой привилегии устанавливают высоту процента, наемной цены домов и помещений и цену товаров — первое прямо, второе и третье косвенно. Ибо, говорят Прудон и Уоррен, если бы банковское дело было доступно всем, то к этой специальности примыкало-бы все большее число лиц, пока сильная конкуренция не понизила-бы наемной платы за деньги до трудовой стоимости, которая, как показывает статистика, составляет меньше трех четвертей процента.

В этом случае тысячи людей, которые теперь не занимаются делом из-за невероятно высокого процента, который приходится платить за первоначальный капитал, не встретили-бы затруднений к займу. Если у них будет имущество, которое они желают превратить в деньги путем продажи, то банк возьмет его в обеспечение ссуды в размерах рыночной цены с учетом менее чем в один процент. Если у них нет имущества, но они трудолюбивы, честны и способны, то они найдут достаточное число надежных поручителей и получают ссуду под вексель, притом на самых льготных условиях. Так ростовщичество будет убито одним ударом. Банки в сущности уже не будут ссужать капитал, но будут вести дела капиталами своих клиентов; дела-же эти будут заключаться в обмене известного и живого кредита банков на неизвестный и мертвый, но такой-же хороший кредит клиентов и во взимании за это менее одного процента не в виде прибыли за пользование капиталом, но в виде платы за труд

по ведению банковского дела. Такая легкость добывания капитала придаст делам неслыханный подъем и, следовательно, вызовет беспримерный спрос на труд — спрос, который всегда будет превышать предложение, между тем как в настоящее время мы наблюдаем на рынке совершенно обратную картину. Тогда исполнятся слова Ричарда Кобдена о том, что когда два рабочих приходится на одного хозяина, то заработная плата падает, когда же два предпринимателя приходится на одного рабочего, то заработная плата поднимается. Труд сможет диктовать свои условия, он обеспечит себе естественную заработную плату, полный продукт. Тот же удар, который убьет процентщика, толкнет вверх заработную плату. Но это не все. Прибыль также упадет. Ибо торговцы, вместо того чтобы покупать по высокой цене в кредит, будут занимать деньги в банках за ничтожный процент, менее одного, и покупать по дешевой цене за наличные, значит, спустят цены и для своих покупателей. А затем падет и квартирная плата. Ибо никто, имея возможность занять капитал из одного процента и построить на него дом, не станет добровольно платить хозяину квартирной платы, превышающей один процент. Таковы горизонты, представившиеся Прудону и Уоррену в результате простой отмены монетной монополии.

Второе место по важности занимает земельная монополия, дурные плоды которой особенно заметны в чисто земледельческих странах. Эта монополия заключается в укреплении правительством земельных владений, не основанных на личном захвате или обработке. Уоррену и Прудону было ясно, что как только отдельные лица лишатся поддержки ближних во всем, что не является личным завладением или обработкой земли, то земельная рента исчезнет, и лихоимство лишится еще одного из своих устоев. Их последователи склонны видоизменить это утверждение в том духе, что очень малая часть ренты, основанная не на монополии, а на превосходстве почвы или местоположения, будет еще существовать некоторое время, а может быть и всегда; хотя в условиях свободы она непрерывно будет стремиться к минимуму. Но неодинаковость почв в качественном отношении, дающая начало экономической ренте за землю, точно также, как и неравенство человеческих дарований, дающее начало экономической ренте таланта, не представляет серьезной угрозы даже в глазах самых непримиримых врагов лихоимства; в природе их нет того зародыша, из которого вырастают другие, более важные неравенства, скорее их можно уподобить умирающей ветке, которая рано или поздно сгнивает и отваливается.

Третья, тарифная, монополия заключается в поощрении производства в неблагоприятных условиях и по высоким ценам путем обложения тех, кто покровительствует производству по низким ценам и в благоприятных условиях. Зло, проистекающее от этой монополии, вернее будет назвать малоимством, чем лихоимством, ибо она заставляет труд платить не за пользование капиталом, а скорее за непользование им. Упразднение этой монополии повлекло-бы за собой сильное понижение цен не все обложенные предметы, а образовавшиеся таким образом у потребителей-рабочих сбережения дали-бы им возможность сделать еще шаг к обеспечению себя естественной заработной платой. Прудон допускал, однако, что упразднение этой монополии ранее монетной монополии было-бы жестокой и губительной мерой; во-первых потому, что недостаток денег — результат монетной монополии — усилился-бы вследствие отлива денег за границу, что повлекло-бы за собой превышение ввоза над вывозом, а во-вторых потому, что часть рабочих, ныне занятая в покровительствуемых отраслях промышленности, очутилась-бы на краю голодной гибели, не найдя немедленного применения своим силам, Свобода монетного дела внутри страны, которая повлечет за собой обилие денег и работы, является по Прудону предварительным условием свободного обмена товарами с заграницей.

Четвертая, патентная, монополия заключается в ограждении авторов и изобретателей от конкуренции на долгий срок, дающий им возможность вымогать у народа вознаграждение, неизмеримо превышающее трудовую ценность их услуг; другими словами, она заключается в предоставлении некоторым людям на целый ряд лет права собственности на законы и явления природы, и права взимать с прочих людей дань за пользование этим естественным богатством, которое должно быть доступно всем. Упразднение этой монополии внушит тем, кто пользуется ею, спасительный страх конкуренции, который заставит их довольствоваться вознаграждением за свои услуги, не превышающим вознаграждения других тружеников; но это же и обеспечит их вознаграждение, ибо они с самого же начала будут выпускать на рынок свой труд и продукты по таким низким ценам, что их специальность не в большей мере будет соблазнять конкурентов, чем всякая иная.

Логическое развитие экономической программы, заключающейся в уничтожении этих монополий и замене их самой свободной конкуренцией, привело ее авторов к тому заключению, что их идеи построены на едином основном начале — начале свободы личности, ее права суверенитета, т. е. верховной власти над собою, продуктами своего труда и своими делами, и нежелания подчиняться велениям внешней власти. Как мысль об отнятии капитала у частных лиц и передаче его правительству привела Маркса на путь, в конце которого неизбежно придется признать в государстве все, а в личности — ничто; так и идея изъятия капитала из покровительствуемых правительством монополий и предоставления его на льготных условиях отдельным индивидам привела Уоррена и Прудона на путь, в конце которого личность будет всем, а правительство ничем. Если индивид имеет право управлять собою, то всякое внешнее правительство есть тирания. Следовательно, необходимо упразднить государство. Таков был логический вывод, к которому естественно пришли Уоррен и Прудон, и он стал краеугольным камнем их политической философии. Это — то учение, которое Прудон называл анархизмом, словом, по-гречески означающим не отсутствие порядка, как многие думают, а отсутствие правления. Анархисты полагают, что «лучшее правительство это то, которое меньше всего управляет», а правительство, которое меньше всего управляет вовсе не является правительством. Правительству, опирающемуся на принудительное обложение граждан, они отказывают даже в простой полицейской функции охраны личности и собственности. Таковую охрану, поскольку она необходима, они считают возможным организовать путем добровольного соединения и сотрудничества для целей защиты, которая может быть продаваема, как всякий другой товар, теми, кто предлагает его наилучшего качества по самой дешевой цене. На их взгляд заставлять человека оплачивать или получать защиту от нападения, которой он не просил и не желает, также есть нападение. Они утверждают, далее, что когда бедность, а с нею и порок исчезнут после осуществления их экономической программы, защита станет ненужным товаром. Принудительное обложение для них является жизненным нервом всех монополий, а пассивное, но организованное сопротивление сборщику налогов, в свое время сыграет роль одного из самых действенных средств к осуществлению их целей.

Их позиция в этом вопросе характеризует собою и их отношение ко всем другим вопросам политического или экономического свойства. В религии они атеисты, поскольку дело касается их собственных убеждений, ибо в божественном авторитете и религиозной санкции морали они видят главный предлог, выдвигаемый привилегированными классами для осуществления человеческой власти. «Если Бог существует, — сказал Прудон, — то он враг человека». И в противоположность знаменитой фразе Вольтера: «Если бы Бога не существовало, то необходимо было бы его выдумать», великий русский анархист Михаил Бакунин выставил свое положение: «Если бы Бог существовал, то его необходимо было бы упразднить».

И все же, считая духовную иерархию враждебной анархии и не признавая Бога, анархисты твердо стоят за свободу верить в него. Они горячо ополчаются на всякое ограничение религиозной свободы.

Защищая право каждой личности быть своим пастырем или избирать себе такового, они в то же время провозглашают право индивида быть своим собственным врачом или свободно избирать себе такового. Ни монополии теологии, ни монополии медицины. Конкуренция во всем и всегда; духовный совет или медицинский совет одинаково должны держаться лишь силою своего достоинства. Этот принцип свободы должен быть соблюден не только в медицине, но и в гигиене. Личность в праве решать не только, что ей делать, чтобы иметь кусок хлеба, но и что делать, чтобы быть здоровой. Никакая внешняя власть не может указывать человеку, что ему можно есть, пить, носить и делать, а чего нельзя.

Равным образом анархическая философия не дает и морального кодекса, который можно было бы навязать индивиду. «Знай свое» — вот единственный моральный кодекс анархиста. Вмешательство в чужие дела есть преступление, и притом единственное, которому и можно сопротивляться надлежащими мерами. Сообразно с сим анархисты считают преступными сами попытки искоренения порока посредством произвола. Они убеждены, что свобода и связанное с нею общее благоденствие являются самым надежным лекарством от всех пороков. Но они признают за пьяницей, игроком, проституткой и кутилой право продолжать свой образ жизни, пока они добровольно не откажутся от него.

Что касается выращивания и воспитания детей, то анархисты не станут учреждать ни коммунистического детского сада в духе социалистов-государственников, ни покровительствовать школьной системе, господствующей в настоящее время. Нянька и учитель, точно также, как врач и священник, должны избираться по доброй воле родителя, а услуги их должны оплачиваться теми, кто о детях заботится. Родительские права не должны отниматься у человека, точно также, как его родительская ответственность не должна быть возлагаема на других.

Анархисты не колеблются приложить свои принципы и к такой деликатной области, как отношения между полами. Они признают и защищают право всякого мужчины и женщины любить друг друга столько времени, сколько они хотят или могут. Для анархистов и законный брак и законный развод одинаково являются нелепостью. Они надеются, что настанет время, когда каждый индивид, будь то мужчина или женщина, будет жить собственным иждивением, будет обладать собственным домом — отдельным-ли зданием или квартирой в многоэтажном доме; когда любовные отношения между этими независимыми личностями будут также разнообразны, как разнообразны индивидуальные влечения и склонности; и когда дети, рождающиеся от таких отношений, будут принадлежать исключительно матерям, пока не вырастут настолько, чтобы принадлежать самим себе.

Таковы главные черты общественного идеала анархии. Но мнения анархистов сильно расходятся по вопросу о наилучшем способе достижения его. Этот идеал совершенно расходится с идеалом коммунистов, называющих себя анархистами, и в то же время защищающих режим архизма, власти, столь же деспотичной, как государство социалистов. Этот идеал также трудно приблизить насильственной экспроприацией, рекомендуемой Иоганном Мостом и князем Кропоткиным, как и отдалить судебными приговорами, посланными этих писателей в тюрьму; это идеал, торжеству которого чикагские мученики гораздо в большей мере послужили своей славной смертью на эшафоте за общее дело, чем при жизни неудачной защитой, во имя анархизма, силы как революционного агента, и власти как охранителя нового общественного строя. Анархизм видит в свободе одновременно и цель, и средство, и враждебен всему, что ей противоречит.

Я не стал бы резюмировать этого и так слишком суммарного очерка социализма с точки зрения анархизма, если бы эта задача не была уже выполнена до меня блестящим французским журналистом и историком Эрнестом Лезинем, в виде ряда антитезисов; я позволю себе привести их в надежде усугубить впечатление, которое мне хотелось бы произвести в этой работе.

«Есть два социализма.

Один коммунистический, другой солидаритарный.

Один диктаторский, другой либертарный.

Один метафизический, другой позитивный.

Один догматический, другой научный.

Один эмоциональный, другой основан на рефлексии.

Один разрушительный, другой созидательный.

Оба стремятся к величайшему благополучию для всех, какое только возможно.

Один стремится установить счастье для всех, другой — дать каждому возможность быть счастливым на собственный лад.

Первый видит в государстве общество *sui generis*, особой природы, продукт некоторого божественного права, стоящий вне и над всяким другим обществом; оно наделено особыми правами и может требовать особого повиновения. Второй считает государство такой же ассоциацией, как и всякая другая, притом управляющейся по общему правилу хуже всяких других.

Первый провозглашает верховенство государства, второй не признает никаких суверенитетов.

Один желает, чтобы все монополии находились в руках государства; другой желает упразднения всяких монополий.

Один желает, чтобы класс управляемых стал правящим классом; другой желает исчезновения всяких классовых делений.

Оба заявляют, что существующий порядок вещей не может продолжаться.

Первый считает революцию необходимым фактором эволюции; второй учит, что только репрессия превращает эволюцию в революцию.

Первый верит в переворот.

Второй знает, что социальный прогресс обуславливается свободным проявлением индивидуальных сил.

Оба признают, что мы вступаем в новую фазу истории. Один желает, чтобы были одни только пролетарии.

Другой желает, чтобы вовсе не было пролетариев.

Первый желает отнять все у всех.

Второй желает оставить каждому то, что ему принадлежит.

Один желает экспроприировать всех.

Другой желает, чтобы все были собственниками.

Первый говорит: «Делай то, чего желает правительство».

Второй говорит: «Делай то, чего сам желаешь».

Первый грозит деспотизмом.

Второй обещает свободу.

Первый делает гражданина подданным государства.

Второй делает государство слугою гражданина.

Один объявляет, что рождение нового мира будет сопряжено с мучениями.

Другой заявляет, что истинный прогресс никому не причинит страданий.

Первый верит в социальную войну.

Второй верит только в мирную работу.
Один стремится повелевать, регулировать, законодательствовать.
Другой желает свести до минимума необходимость повелевать, регулировать, законодательствовать.
За первым последовала бы самая жестокая реакция.
Второй откроет прогрессу безграничные горизонты.
Первый потерпит неудачу; второй добьется успеха.
И тот и другой желают равенства.
Один для этого считает нужным пригнуть головы, поднятые слишком высоко.
Другой — поднять головы, склонившиеся слишком низко.
Один видит равенство в общем подчинении игу.
Другой хочет обеспечить его полной свободой.
Один нетерпим, другой толерантен.
Один запугивает, другой ободряет.
Один желает поучать всех и каждого.
Другой желает дать каждому возможность учиться самостоятельно.
Первый желает всем оказывать поддержку.
Второй желает дать каждому возможность самостоятельно поддерживать себя.
Один говорит:
Земля — государству.
Руда — государству.
Орудие труда — государству.
Продукт — государству.
Другой говорит:
Земля — земледельцу.
Руда — рудокопу.
Орудие труда — трудящемуся.
Продукт — производителю.
Есть только два социализма.
Один находится в стадии детства; другой — в стадии зрелого мужества.
Один принадлежит прошлому; другой — будущему.
Один уступит место другому.
Каждый должен выбрать тот или другой социализм или сознаться, что он вовсе не социалист».

Отношение государства к личности

Будущее тарифа, налогов, финансов, собственности, женщины, брака, семьи, избирательного права, народного образования, изобретений, литературы, искусства, личных привычек, особенностей характера, нравственности, религии, — все это определяется выводом, к которому человечество придет по кардинальному вопросу: обязан ли и в какой мере обязан индивид повиновением государству.

Приступая к этому вопросу, анархизм считает необходимым прежде всего дать точные определения терминам. Возьмем для примера термин «государство». Мы обозначаем словом «государство» учреждения, воплощающие в себе самый крайний абсолютизм, и учреждения, смягчающие его большей или меньшей дозой либерализма. Мы применяем это слово к таким

агрессивным учреждениям, которые только нападают, и к таким учреждениям, которые до некоторой степени также покровительствуют и защищают. Но в чем сущность государства, в нападении или в защите, по-видимому, мало кто знает или желает знать. Сталкиваясь со столь различными взглядами, анархисты, призванные в мир для упразднения нападения и всех зол, из него вытекающих, приходят к выводу, что их поймут лишь в том случае, если они придадут определенный и общепризнанный смысл терминам, которыми приходится пользоваться, особенно словам «государство» и «правление». Отыскивая элементы, общие всем учреждениям, к которым применяется название «государственные», они нашли следующее: во-первых, нападение; во-вторых, присвоение исключительной власти над данной территорией и в ее пределах, обыкновенно осуществляемой с двойной целью — наиболее полного угнетения подданных и расширения границ. Государство родилось из нападения и со дня рождения своего было агрессивным учреждением. Защита появилась впоследствии, под влиянием необходимости; и принятие государством на себя этой функции, несомненно предпринятое с целью усиления государства, в действительности и по существу было началом его разрушения. Возрастающее значение этой функции лишь свидетельствует о назревающем стремлении к упразднению государства. Поэтому анархисты утверждают, что не защита является существенным признаком государства, а нападение, посягательство. Но что такое нападение? Это просто другое название управления. Нападение, захват, управление — все это однозначные термины. Сущность управления заключается в контроле, в руководстве, или в покушении на контроль. Тот, кто пытается контролировать другого, есть правитель, нападающий, захватчик. Природа такого нападения отнюдь не изменяется, будет ли оно произведено одним человеком на другого в духе обыкновенного преступления, или же одним человеком на всех других людей, по способу абсолютной монархии, или всеми людьми на одного по способу современной демократии. С другой стороны тот, кто сопротивляется покушениям ближнего руководить им, не есть ни нападающий, ни захватчик, ни правитель, а есть защитник, страж, покровитель. Внутренний характер такого сопротивления остается неизменным, будет ли оно оказано одним человеком другому человеку, наподобие самозащиты от преступника; или же одним человеком всем другим людям, когда он отказывается повиноваться деспотизму закона; или же всеми людьми одному человеку, когда народ восстает против тирана, либо члены общины добровольно соединяются, чтобы отразить преступника. Это различие между нападением и сопротивлением, между правлением и защитой представляет первостепенную важность. Без него не может быть построена правильная философия политики. На этом различии и других вышесказанных соображениях анархисты и строят необходимые определения. Вот, например, анархическое определение правления: подчинение ненападающего индивида внешней воле. А вот анархическое определение государства: воплощение принципа нападения в одной личности или банде людей, дерзающих действовать в качестве представителей или господ всего народа, живущего на данной территории.

Итак, вернемся к вопросу: какие отношения должны существовать между индивидом и государством? Обыкновенно он разрешается при помощи какой-нибудь этической теории, оперирующей понятием нравственного долга. Но анархисты не питают доверия к такому методу. Они совершенно не признают идеи нравственного долга, прирожденных прав и обязанностей. Все обязанности они считают не моральными, а социальными, да и то признают их обязательность лишь в том случае, если они приняты на себя человеком вполне добровольно и сознательно. Если человек входит в соглашение с несколькими людьми, то они вправе совместными силами заставить его выполнить условленное; но помимо таких соглашений ни один человек, насколько анархистам известно, не заключал еще договоров с Богом, или какой бы то ни было другой силой. Анархисты не только утилитаристы,

но эгоисты в наиболее полном и крайнем значении этого слова. Единственной мерой прирожденного права является только сила. Всякий человек, называется ли он Биллом Сайксом или Александром Романовым, и всякая группа людей, будь то китайские головорезы или конгресс Соединенных Штатов, — имеют право, если в их руках сила, убивать или принуждать других людей, или подчинить весь мир своим целям. Право общества на порабощение индивида и право индивида на порабощение общества неравны между собою только потому, что их силы неодинаковы.

Итак, анархисты вопрос права считают исключительно вопросом силы. К счастью, здесь речь идет не о праве: рассматриваемая нами проблема — вопрос целесообразности, знания, науки — науки общежития, науки об обществе. История человечества в главных чертах представляет собой длительный процесс постепенного раскрытия того обстоятельства, что индивид выигрывает в обществе ровно постольку, поскольку оно свободно, и того закона, что необходимым условием долговечной и гармоничной общественной организации является величайшая индивидуальная свобода, в равной мере принадлежащая всем. В каждом поколении человек все с большим осознанием и убежденностью говорил себе: «Мой сосед не враг мне, а друг, и я ему буду другом, если мы оба признаем этот факт. Мы помогаем друг другу в устройстве лучшей, более полной и счастливой жизни; ценность этих взаимных услуг удесятилась бы, если бы мы перестали притеснять, ограничивать и угнетать друг друга. Почему бы нам не условиться предоставить каждому жить на свой лад, но так, чтобы никто из нас не переступал границ чужой индивидуальности?» Путем таких рассуждений человечество приближается к истинному общественному договору, который отнюдь не был началом общества, как полагал Руссо, но еще только явится результатом долгого социального опыта, плодом его безумий и бедствий. Очевидно, такой договор, такой социальный закон в своем наиболее полном развитии исключает всякое нападение, всякое нарушение равенства свободы, всякий захват. Рассматривая этот договор параллельно с анархическим определением государства, как воплощения захватного начала, мы видим, что государство враждебно обществу; а так как общество является существенным элементом индивидуальной жизни и развития, то очевидно, что отношение государства к личности и личности к государству должно носить характер вражды, которая прекратится лишь с исчезновением государства. Но анархистов могут спросить: «А как же быть с теми лицами, которые несомненно будут нарушать социальный закон, нападая на своих соседей?» На это анархисты отвечают, что упразднение государства не мешает существованию оборонительного союза, построенного не на принуждении, а на добровольном соглашении, который и будет держать насильников в границах всеми необходимыми мерами. «Но ведь это то, что мы имеем сейчас — могут мне возразить, — вам важно, значит переменить название?» Нет, это не так. Можно ли с чистой совестью утверждать, что государство, даже в той форме, в какой оно существует в Америке, есть чисто оборонительное учреждение? Нет, скажет всякий, кроме тех, кто видит в государстве лишь самое осязательное его проявление — полицейского на перекрестке. Действительно, стоит лишь присмотреться к государству поближе, чтобы убедиться в ошибочности упомянутого утверждения. Самый первый акт государства, — принудительное обложение и взимание налогов, — уже является нападением, нарушением равенства свободы, и отравляет собою все последующие его акты (даже те, которые были бы чисто оборонительными, если бы оплачивались из казначейства, пополняемого добровольными приношениями). Можно ли, например, оправдать по закону равной свободы конфискацию у человека денег в уплату за покровительство, которого он не искал и не желает? И если это самоуправство, то как назвать такую конфискацию, когда жертве ее дается вместо хлеба камень, и вместо защиты притеснение? Заставлять человека платить за нарушение его же

свободы поистине значит прибавлять оскорбление к насилию. Но именно это и делает государство. Прочтите «Архивы конгрессов», проследите протоколы законодательных собраний; просмотрите сборники законов; подвергните каждый акт критерию правила равной свободы, — и вы увидите, что добрые девять десятых существующего законодательства направлены не на укрепление основного социального закона, а либо на управление личными вкусами индивида, либо, что еще хуже, на создание и поддержку торговых, промышленных, финансовых и владельческих монополий, лишаящих труженика значительной части вознаграждения, которое он получал бы на совершенно свободном рынке.

«Быть управляемым, — говорит Прудон, — значит быть отслеживаемым, находиться под наблюдением, надзором, руководством, под гнетом закона, подвергаться поучениям, вышколаживанию, проповедям, вмешательству, одобрению, порицанию, приказам лиц, не имеющих на это полномочий, не обладающих ни надлежащими знаниями, ни добродетелью. Быть управляемым значит терпеть, чтобы каждое ваше действие, движение, сделка отмечались, заносились в реестр, учитывались, оценивались, измерялись, исчислялись, облагались, разрешались, отклонялись, получали соизволение, подвергались исправлению, переделке и т. д. Быть управляемым значит под предлогом общей пользы и интересов общества, быть вынужденным платить дань, терпеть вымогательства, эксплуатацию, монополии, надувательства, грабежи; а при малейшем сопротивлении, при первой попытке жаловаться — подвергнуться притеснениям, штрафу, унижению, издевательствам, преследованию; вас поволокут, побьют, обезоружат, свяжут, бросят в тюрьму, расстреляют, предадут суду, осудят, сошлют, замучают, продадут, обманут и в довершение всего насмеются, надругаются, опозорят».

Я думаю, мне нет надобности перечислить вам существующие законы, в точности соответствующие и подтверждающие почти каждый пункт длинного обвинительного акта Прудона. Кто станет теперь утверждать, что существующий политический строй носит чисто оборонительный характер, а не является агрессивным государством, которое анархисты желают упразднить!

Возникает другое соображение, имеющее прямое отношение к агрессивному индивиду, которого так боятся противники анархизма. Не описанное ли нами выше обращение главным образом и повинно в существовании таких индивидов. Не помню, где я прочел однажды такую надпись, сочиненную для некоего благотворительного учреждения:

*«Благочестивый муж воздвигнул сей приют,
Тех по миру пустив, что ныне в нем живут».*

Такая надпись, мне кажется, вполне приличествовала бы нашим тюрьмам. Они наполнены преступниками, которых создало наше добродетельное государство своими несправедливыми законами, жестокими монополиями и ужасными социальными условиями, из них вытекающими. Мы издаем кучу законов, фабрикующих преступников, и затем несколько таких, которые их наказывают. Можно ли надеяться, что новые социальные условия, которые должны последовать за упразднением всякого вмешательства в производство и распределение богатства, в конце-концов настолько изменят привычки и склонности людей, что наши тюрьмы и участки, полицейские и солдаты — словом весь механизм и снаряжение защиты станет совершенно излишним? Анархисты, по крайней мере, твердо в этом уверены. Эта вера отдает утопией, но в сущности она покоится на строго экономических данных.

Наши цели

Власть имеет многообразные формы, но в общих чертах врагов Свободы можно разделить на три класса. Это, во-первых, те, кто отвергает ее и как средство и как цель прогресса, выступая против нее гласно, открыто и искренне, всегда и повсюду. За ними следуют те, кто, хотя и видит в ней средство прогресса, но признает ее лишь постольку, поскольку она служит их собственным эгоистическим интересам, отказывая в ней и в ее благах всему остальному человечеству. Наконец, третий класс составляют те, кто отрицает за ней значение средства прогресса, видя в ней лишь конечную цель, которая может быть достигнута после того, как она будет сперва поругана, изнасилована и растоптана ногами. Эти три ступени борьбы со Свободой можно проследить почти во всякой области мысли и человеческой деятельности. Прекрасный пример первой категории дают — католическая церковь и русское самодержавие; вторая представлена протестантской церковью и манчестерской школой в политике и политической экономии; образцами третьей могут служить атеизм Гамбетты и социализм Карла Маркса.

Другая, поперечная демаркационная линия делит все эти три формы власти на власть божественную и человеческую или, вернее, власть религиозную и светскую. Победа Свободы над первой почти завершена. Век Вольтера разрушил власть сверхъестественного. С тех пор церковь падала в своем значении. Но после нее нам грозит власть человеческая в лице своего органа, Государства. Те, кто потерял веру в богов только для того, чтобы перенести ее на правительства; кто перестал поклоняться церкви только для того, чтобы поклониться Государству; кто переименовал папу на короля или царя, а священника на президента или парламент, — те, правда, оставили прежнее поле битвы, но отнюдь не стали меньшими врагами Свободы. Церковь сделалась предметом насмешки; Государство должно им сделаться в свою очередь. Государство, говорят, есть «необходимое зло»; оно должно стать не необходимым. Борьба нынешнего века есть, поэтому, борьба с Государством; с Государством, которое принижает мужчину, протитует женщину и развращает ребенка, которое налагает путы на любовь и душист мысль; которое монополизирует землю, ограничивает кредит и суживает обмен, которое дает праздному капиталу возможность приращивания, а у трудолюбивого работника насильственно отнимает плоды его труда в виде процентов, ренты, прибыли и налогов.

Руссо полагал, что Государство возникло из договора, и что граждане, населяющие Государство в настоящее время, хотя и не заключали договора, но связаны им. Анархисты же, наоборот, отрицают, что когда бы то ни было был заключен подобный договор, и заявляют, что если даже таковой и был когда-либо заключен, то он не может налагать и тени обязанности на тех, кто непосредственно не участвовал в его заключении. Поэтому они требуют права вступать в такие договоры, какие они считают для себя наилучшими. Положение, что человек может сам для себя заключать договоры, не только не аналогично положению, делающему человека подчиненным договорам, заключенным другими, но является его прямой противоположностью.

Правление есть насилие, а Государство есть воплощение насилия в индивидуе или банде индивидов, присваивающих себе право действовать в определенной области в качестве представителей или господ всего народа. Анархисты выступают против всякого правительства и в особенности против Государства, как худшего правителя и главного насильника. Существуют лишь два полюса, а не три: на одном — авторитарные социалисты, поддерживающие правительство и Государство, на другом — индивидуалисты и анархисты, выступающие против правительства и Государства.

Я могу понять человека, который в критических обстоятельствах оправдывает любую форму принуждения, исходя из простой необходимости; но я не могу понять человека, который отрицает право принуждаемого таким образом индивида сопротивляться этому принуждению и настаивать на том, чтобы ему не мешали следовать своей особенной дорогой.

Является ли абсолютный максимум свободы той целью, которая должна быть достигнута какую бы то ни было ценою? Я считаю свободу главным элементом человеческого счастья и потому драгоценнейшей вещью в мире, и я, конечно, желаю ее иметь в таком объеме, в каком только могу ее раздобыть. Но я не могу сказать, что меня сильно беспокоит, достигает ли общая сумма свободы, которой пользуются все индивиды, взятые вместе, своего максимума или она немного ниже его, — раз мне, как индивиду, достается небольшая часть или совсем ничего из этой общей суммы свободы. Если же я буду располагать, по крайней мере, таким же объемом свободы, как и другие, а другие таким же, как и я, то тогда, чувствуя себя прочными в своем приобретении, мы должны, несомненно, все стараться достичь максимума свободы, совместимого с этим равенством свободы. К этому естественному закону равной свободы и приводит нас именно высшая сумма индивидуальной свободы, совместимая с равенством свободы. Но этот максимум есть нечто совершенно отличное от того максимума свободы, который, как гласит гипотеза, может быть достигнут только посредством нарушения равенства свободы.

Мне кажется совершенно невозможным достигнуть максимума свободы посредством лишения людей их свободы, как и добиться максимума богатства посредством лишения людей их богатства. Мне кажется, что в обоих случаях средства совершенно уничтожают цель.

Право прекратить финансирование есть вообще самое действенное оружие против тирании. Когда принудительное налогообложение будет уничтожено, тогда не станет Государства, и то оборонительное учреждение, которое займет его место, будет постоянно удерживаться от превращения в насильственный институт опасением, что добровольные взносы прекратятся. Эта постоянная побудительная причина, вынуждающая добровольно-оборонительное учреждение держаться на уровне народных требований, является самой лучшей гарантией против призрака многочисленных, соперничающих друг с другом политических органов.

Свобода и собственность

Прежде, когда я, хотя и был уже Эгоистом и знал, что всякий человек действует и будет действовать исключительно в собственных интересах, и не рассматривал еще отношения Эгоизма к вопросам долга, у меня была привычка развязно и небрежно говорить о праве человека на землю. Это была дурная привычка, и я давно уже расстался с ней. Единственное право человека на землю это его могущество над нею. Если сосед сильнее его и отнимает у него землю, то земля принадлежит его соседу, пока еще более сильный человек не отнимет ее у того. Но при длительности такого порядка нет ни общества, ни безопасности, ни комфорта. Поэтому люди заключают договоры. Они устанавливают определенные условия землевладения, и не будут защищать прав, не удовлетворяющих этим условиям. Этот договор имеет целью не дать возможность всем получать одинаковые блага от земли, а дать возможность каждому спокойно распоряжаться результатами усилий, затраченных им на тот участок земли, которым он владел на указанных условиях. Равенство свободы устанавливается главным образом для того, чтобы обеспечить человеку это полное распоряжение результатами своих усилий; оно устанавливается не как право, а как социальное соглашение. Я всегда утверждал, что свобода важнее богатства, — другими словами, что человек получает больше счастья от свободы,

чем от роскоши, — и это правда; но в одном смысле богатство, или, вернее, собственность гораздо важнее свободы. Человек мало выигрывает от свободы, если эта свобода не включает в себе свободы распоряжаться тем, что он производит. Одна из главных целей равной свободы и есть обеспечить эту основную потребность в собственности, и если собственность ею не обеспечивается, то является искушение оставить режим договора и вернуться к господству силы.

Анархисты говорят индивиду: «Владение и пользование есть единственное право на землю, в котором мы будем оберегать тебя; если ты попытаешься пользоваться землей, которую занимает и которой пользуется другой, то мы будем защищать его от тебя; если другой попытается пользоваться землей, на которую ты претендуешь, но которую не занимаешь и не пользуешься, мы не будем мешать ему; но ты единственный хозяин той земли, которую занимаешь и которой пользуешься, и мы сами не отнимем ее у тебя, никому не позволим этого сделать, что бы ты не получил от такой земли».

Предположение, что конкуренция означает войну, основано на старых понятиях и лживых фразах, долго пользовавшихся доверием, но теперь быстро его утрачивающих. Конкуренция означает войну только в том случае, когда она как-нибудь ограничена, в предмете ли, или в напряженности, — т. е. когда она не вполне свободная конкуренция; ибо тогда выгоды ее достаются одному классу за счет другого, а не так, как следовало бы — всем за счет сил природы. Всеобщая неограниченная конкуренция обозначает совершеннейший мир и самую истинную кооперацию; ибо тогда она является просто пробой сил, увенчивающейся самой выгодной их реализацией. Как только спрос на труд начинает превышать предложение, и каждый получает возможность добиться заработной платы, равной своему продукту, всем (и его непосредственным конкурентам в том числе) бывает выгодно, чтобы лучший работник одержал победу; другими словами, это значит, что там, где царствует свобода, конкуренция и кооперация тождественны между собой. Самое главное, значит, дать перевес спросу на труд над предложением его, а этого можно достигнуть только путем конкуренции в эмиссии денег или организации кредита.

По какой бы причине люди не стремились к богатству, по общему правилу они его добиваются не путем конкуренции, но благодаря применению силы для притеснения некоторых видов конкуренции — другими словами, благодаря правительственным учреждениям и покровительству монополии.

Поскольку монополист — победитель, отказывать ему в плодах победы действительно значит вкладывать в ножны меч монополии. Но этим вы не вкладываете в ножны меч конкуренции, ибо конкуренция не доставляет добычи победителю, а лишь заработную плату труженику. Свободная конкуренция, в экономическом значении этого слова, предполагает уничтожение сил захвата и свободное поле деятельности для сил незахватного свойства.

Если бы какой-нибудь человек объявил, что когда выгоды труда перестанут доставаться одному классу за счет другого, а будут доставаться всем за счет сил природы, то труд потеряет свой *raison d'être* и исчезнет — добрые люди не замедлили бы освидетельствовать его умственные способности; но безумие такого утверждения ни на йоту не умалится, если вместо слова труд поставить слово конкуренция. Покуда желудок будет заявлять свои права, ни труд, ни конкуренция, я убежден, не потеряют своего *raison d'être*, хотя бы даже работник и конкурент оказались вынужденными бороться за «добычу», извлекаемую из недр материальной земли, а не из карманов ближнего.

Кропоткин сказал: «Подобно тому как во второй половине девятнадцатого века развилась мысль о неприкосновенности домашней жизни индивида, развилась в массах и идея о коллективном праве на все, что служит к производству богатства. Это факт; и кто хочет,

как мы, жить жизнью народа и следить за его развитием, тот согласится, что это утверждение является лишь точным выражением народных стремлений». В таком случае, кропоткинский анархизм означает свободу есть, но не стряпать; пить, но не варить напитков; одеваться, но не ткать; обитать, но не строить; давать, но не продавать или покупать; мыслить, но не печатать; выступать, но не нанимать аудитории; танцевать, но не платить музыканту.

По-видимому, главная цель коммунистов и государственных социалистов заключается в том, чтобы разрушать всякую живую индивидуальность, и создавать пародию ее, когда она исчезнет, — убивать людей, и обожествлять их дух.

Защищая коммунизм, Кропоткин говорил, что он «всегда наблюдал, что рабочие с трудом постигают возможность уплаты за работу чеками на труд и не любят искусственные построения социалистов», но «с другой стороны поражался легкостью, с какой они всегда воспринимают коммунистические идеи». Поражался ли когда-нибудь Кропоткин легкостью, с какой простоватые люди усваивают теорию сотворения мира, и с каким трудом представляют себе возможность эволюции? Если да, то видел ли когда-нибудь в этом факте довод в пользу гипотезы сотворения мира? Точно так же, как легче удовлетвориться фразой: «мужчиной и женщиной сотворил Он их», чем проследить в геологических пластах эволюцию видов, легче сказать: «каждый человек должен иметь все нужное», чем найти экономический закон, по которому каждый человек может получить эквивалент своему продукту. Путь веры более легок и прям, но он ведет в трясину; тогда как путь науки, сколь бы он ни был извилист и тернист, выводит в конце-концов на твердую сушу. Коммунизм принадлежит веку веры, анархический социализм — веку науки.

Сила пассивного сопротивления

Прежде всего, политика, которой должны следовать отдельные, изолированные анархисты, определяется обстоятельствами. Плохой боец тот, кто бросает врагу свои снаряды, — разве что из пушечного жерла. Но если вы можете заставить врага растратить свои снаряды, побудив его открыть огонь по какому-нибудь хорошо защищенному пункту; если вы можете, доучая, дразня и выводя его из себя всевозможными способами, припереть его к стенке разоблачением его тиранических и хищнических намерений, поставить его в положение вероломного негодяя, намеревающегося ограбить честных людей — то это самая лучшая тактика. Поэтому пусть каждый анархист старается, чтобы его имущество не попало в когти шерифа. Но в тот год, когда он почувствует себя особенно сильным и независимым, когда его поведение не может нанести ущерба серьезным личным обязанностям, когда в общем он скорей готов пойти в тюрьму, чем не пойти, и когда имущество его такого рода, что его легко скрыть, — пусть он укажет налоговому чиновнику какое-нибудь имущество, а инспектору откажется платить налог. Или, если у него нет имущества, пусть откажется платить подоходный налог. Государство тогда будет поставлено в тупик. Одно из двух: или оно оставит его в покое, и тогда он обо всем расскажет своим соседям, вызвав в них крамольное желание на будущий год не отдавать копейки из кармана; или же его заключат в тюрьму, до тех пор, пока государству не надоест содержать на свой счет его и других лиц, следовавших его примеру, которых будет становиться все больше. Возможно, что государство в припадке отчаяния найдет необходимым усилить строгость законов о заключенных за неплатеж налогов, и тогда, если наш анархист решительный человек, мы увидим, до каких пределов готово дойти республиканское правительство, «черпающее свои справедливые права в согласии

управляемых», чтобы обеспечить себе это «согласие», — остановится ли оно на одиночном заключении в темной камере, или же последует примеру русского царя, организовав пытку электричеством. Чем дальше оно пойдет в этом направлении, тем лучше для анархии, как известно всякому, изучавшему историю реформ. Кто может учесть пропагандирующую силу нескольких таких случаев, увеличиваемую работой хорошо организованной армии агитаторов вне тюремных стен? Так обстоит дело с индивидуальным сопротивлением.

Но если отдельные лица могут сделать так много, то что же сказать об огромной и совершенно непобедимой силе многочисленного и умного меньшинства, измеряющегося, скажем, пятой частью населения в данной местности? Я думаю, мне достаточно обратить внимание на крайне поучительную историю Ирландской Аграрной Лиги; покуда она придерживалась своей первоначальной политики «неплатежа ренты», она была сильна, но как только оставила ее, то потеряла всю свою силу чуть не на другой день. Почему? Потому что крестьянство представляло собой не умное меньшинство, следующее принятым решениям, а невежественную, хотя и проникнутую энтузиазмом массу людей, слепо шедшую за недобросовестными политиками вроде Парнелля, которые хотели всего чего угодно, кроме упразднения ренты, и готовы были использовать какую угодно политику или чувства, лишь бы это дало им в руки власть и влияние. Но все же эта политика продолжалась достаточно времени, чтобы британское правительство убедилось в своем полном бессилии пред нею. А у нас легче сопротивляться налогам, чем в Ирландии сопротивляться ренте; и у нас такая политика оказалась бы могущественнее, чем там; необходимо только завербовать достаточное число серьезных и решительных мужчин и женщин. Если пятая часть населения откажется платить налоги, то взимание или попытка взимать их не окупится уплатой остальных четырех пятых налога. Конец вам тогда, тирания и монополия!

«Пассивное сопротивление, — утверждает Лассаль с чисто немецким упрямством, — это сопротивление, которое не сопротивляется». Величайшее заблуждение! Это единственное сопротивление, дающее в наши дни военного режима какие-нибудь результаты. В современном цивилизованном мире не найдется ни одного тирана, который всеми силами не предпочел бы вызвать кровавую революцию, чем видеть, что значительная часть его подданных решилась не оказывать повиновения. Восстание легко подавить; но ни одна армия не захочет и не сможет направить пушки на мирных людей, которые даже не собираются на улицах, а сидят дома и твердо стоят на своем. Ни избирательный бюллетень, ни штык не будет играть видной роли в грядущей борьбе; пассивное сопротивление, а в случае крайности динамитная бомба в руках отдельных лиц — вот те орудия, которыми революционной силе предстоит завоевывать в последней великой борьбе права народа.

Свобода и насилие. (Мораль террора)

Политика террора должна применяться против угнетателей человечества лишь тогда, когда они окончательно подавят все мирные приемы агитации. Нападающий, будь это индивид или правительство, не имеет никакого права требовать, чтобы тот, на кого нападают, считался с ним в какой бы то ни было мере. Справедливость этой истины не обуславливается характером нападения. Все равно, в каком направлении индивид считает свою свободу ограниченной произволом; он во всяком случае имеет право ее требовать, и будет прав, требуя ее всеми доступными средствами. Право брать незанятую землю и обрабатывать ее в такой же мере неоспоримо, как право высказывать свои мысли, и сопротивление, оказываемое нарушению первого права, не в меньшей мере является самозащитой, чем сопротивление, оказы-

ваемое нарушению второго права. С моральной точки зрения одно ничем не хуже другого. Но со свободой слова можно добиться свободы земли и всех других свобод, без нее же остается одна надежда: на террор. Отсюда и вытекает целесообразность и даже необходимость террора для получения первой; и нелепость, и бесполезность его, в качестве средства добыть все остальное.

Право сопротивляться угнетению силой не подлежит никакому сомнению. Но только одно может оправдать осуществление его в широком масштабе, — а именно, угнетение свободной мысли, свободы слова, свободы печати. Даже и в том случае осуществление его будет неразумным, если гнет не достиг такой силы, что никакими другими средствами его нельзя побороть. Кровавое пролитие само по себе чистый убыток. Когда нам нужна свобода агитации, и ничто, кроме кровавого пролития, не может обеспечить ее, тогда оно имеет смысл. Но нужно помнить, что кровавое пролитие никогда не сделает социального переворота в собственном смысле этого слова; что он может быть осуществлен только посредством агитации, исследования, эксперимента и пассивного сопротивления; и что после всех кровавых пролитий мы останемся на том же месте, где сейчас находимся, если не считать того, что мы получим право пользоваться подобными средствами.

Одно только чикагский бомбометатель доказал блестяще — превосходство динамита над винтовкой. Ни при одном мятеже здесь не было убито и ранено сразу столько полицейских, как в этом случае одной бомбой. Как истинный террорист, бомбометатель сделал только одну ошибку — выбрав время, когда собралась толпа рабочих, на которых полиция могла сорвать зло. Если необходимо требовать свободы слова силою, то борьба должна заключаться в ряде актов отдельных динамитчиков. Время вооруженных восстаний прошло. Их слишком легко подавляют.

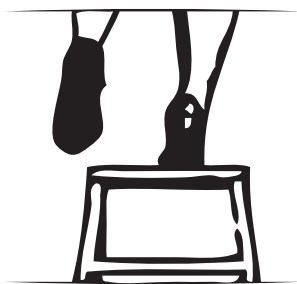
Есть два способа вызвать угнетенные классы на насилие; один принадлежит так называемым революционерам, которые прямо советуют им применять силу; другой, гораздо более опасный, принадлежит так называемым друзьям порядка, которые не оставляют им иного выхода, кроме силы. Эти две партии, с виду враждебные, в сущности играют друг другу на руку, к ущербу истинных революционеров и истинных друзей порядка, знающих, что сила ничего не решает, и что ни один вопрос не бывает решен, пока его не решат правильно. Точно так же, как свобода есть мать порядка, государство — мать насилия.

Сила правого дела перед тиранией состоит в том, что, покуда оно неповинно в нападении, оно пользуется народной симпатией и поддержкой в случае преследований. Истинные анархисты преследуют свободу-цель свободой-средством. Если бы мы имели возможность идти своим путем, мы становились бы все сильнее и сильнее, пока государство не стало бы перед дилеммой: или нелицемерно уступить, или, начав преследовать мирных сторонников автономии, утратить народную поддержку и погибнуть. При существующих же обстоятельствах наш путь к победе будет, вероятно, гораздо более тернистым. Не будем жаловаться на несправедливости, чинимые государством, если не желаем этим обнажить перед народом всю их чудовищность и побудить его сбросить с себя гнет тирании. Анархия вызвала государство на бой. Государство приняло вызов. Поединок этот будет не на жизнь, а на смерть.

Мы победим; мы должны победить!

Ибо, как говорит Прудон, «подобно древней Немезиде, которую не могли склонить ни мольбы, ни угрозы, революция шагает вперед неуклонной и тяжелой поступью по цветам, которые рассыпают перед ней ее поклонники, по крови своих борцов, через тела своих врагов».

Библиотека Анархизма
Антикопирайт



Бенджамин Таккер
Свобода, равная для всех

Сохранено 11 июня 2014 года из https://vk.com/topic-38821806_26489937

ru.theanarchistlibrary.org